А. ЛЯПИДЕВСКИЙ

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

ДЕТГИЗ ЦК ВЛКСМ
1934

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Л-975

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

ФОТО — ОРДЕНОНОСЦА-ЧЕЛЮСКИНЦА
П. НОВИЦКОГО

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

28923 1957-58 г.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА
686033 Ку. рег-ой
Российская государственная
детская библиотека

Герой Советского Союза АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЯПИДЕВСКИЙ.

О себе.

Когда я был маленький, мы жили на юге России, в Кубанской области. Мой отец был учителем, мать-учительницей. Тогда учителям было бедно. Я зимой учился, а летом работал у кулака-хозяина: пас его скот, резал для хозяина подсолнухи (которые были вдвое выше меня), подавал колосья пшеницы на ток, поил хозяйских лошадей. Было тогда мне семь лет, восьмой.

После Великой пролетарской революции я бросил работать у кулака. Я стал хорошо учиться, потому что мне очень хотелось летать. Учился я долго-и в начальной школе, и в средней, и в Ленинградской школе летчиков, и в Школе морских летчиков имени товарища Самсина и стал в конце концов летчиком. Дали мне большую машину и послали на Дальний Восток. Там я и летал.

В 1934 году в Ледовитом океане утонул пароход „Челюскин." Меня и других летчиков послали спасать челюскинцев. Я тогда спас десять женщин и двух детей, Алму и Карину. За спасение челюскинцев меня наградили орденом Ленина и званием Героя Советского Союза. А товарищ Ворошилов послал меня учиться — в Военно-Воздушную Академию. Я там учусь уже четыре года и по всем предметам получаю „отлично."

Большое счастье выпало на мою долю в прошлом году: меня выбрали депутатом в Верховный Совет СССР.

Я хочу, ребята, чтобы и вы хорошо учились и крепко любили свою родину. Тогда, наверное, многие из вас, когда вырастут, будут носить на груди ордена Советского Союза.

А сейчас расскажу о том, как я спасал челюскинцев.

А. Лидевский.

НА СЕВЕР

На большом ледокольном пароходе „Челюскин“ поехали смелые люди нашей страны на север. Они хотели узнать, какая там жизнь и можно ли пароходам плавать по Ледовитому океану.

Самым главным на пароходе был Отто Юльевич Шмидт. А капитаном — Воронин.

Погрузили на пароход радиостанцию, запасы еды, теплые вещи, бочки с бензином и еще много всего — и поехали.

Вот идет пароход месяц, другой. Наступила зима. А зима на севере страшная — долгая, холодная. По

Северному океану плавают громадные льдины. Ветром на них нахлестывает воду, вода замерзает, и льдины делаются всё толще, всё выше. Некоторые вырастают в целые горы.

Капитан смотрел в бинокль. Где увидит между льдинами полоску воды, туда и поведет пароход.

Так „Челюскин“ потихоньку продвигался среди белых страшных льдин.

Чем дальше плыли, тем лед становился всё толще, а полоски воды — всё у́же. Скоро их и вовсе не стало. Куда ни посмотреть — льдины.

Тем временем наступила ночь. Только не такая, как везде, а особенная — полярная. Она тянется много месяцев. Много месяцев подряд нет солнца, всё время темно, всё время ночь. Только иногда засверкает северное сияние.

А льды всё сжимаются, напирают на пароход.

Капитан парохода „Челюскин" — орденоносец В. ВОРОНИН.

Окружили они его, стиснули со всех сторон, не дают ходу.

Тогда Шмидт собрал всех челюскинцев и сказал:

— Товарищи, лед запер нас, не пускает! Придется нам здесь зиму зимовать. Еды у нас много, теплых вещей много, есть радио, музыка, кино, книги... Будем жить дружно, не скучать!

Капитан Воронин приказал остановить пароход.

„Челюскин“ притих. Перестал вертеться винт. Нет больше дыма над трубой. Молчат машины.

Но челюскинцы не унывали.

Они работали, учились, читали, играли. На пароходе они жили всё равно как в настоящем доме. Только за окном был не двор, не улица, не переулок, а бесконечный Северный океан, загроможденный ледяными горами и скалами...

„ВСЕ НА ЛЕД!“

„Челюскин“ примерз ко льду и начал дрейфовать: куда лед понесет ветром или морским течением, туда и „Челюскин“ за ним поневоле тянется.

Долго дрейфовал пароход. Льды напирали так, что стены трещали.

Шмидт собрал челюскинцев и сказал:

— Товарищи, надо быть начеку. Борты у „Челюскина“ крепкие, но льды еще крепче. Давайте вынесем все вещи на палубу. Если будет опасность, мы сразу всё на лед побросаем!

Так и сделали. И правильно сделали! Потому что через день раздался страшный гул, будто выстрелили из большой пушки. Лед стал нажимать изо всей силы. Борты затрещали. Пароход задрожал. Даже толстенные стекла в круглых окошечках задребезжали.

Подул ветер. Разыгралась волна, стала швырять льдины-холодины друг на дружку. Они смерзались в огромные ледяные горы. Вот одна ледяная глыба подошла вплотную к пароходу и со всего размаху ударила его в бок. Получилась широкая трещина.

Туда хлынул лед и стал ломать всё — каюты, буфеты, машины.

„Челюскин“ начал тонуть. Нос его ушел в воду, а корма поднялась. Пришел пароходу конец.

Но челюскинцы не растерялись. С палубы они быстро стали сбрасывать на лед все вещи — еду, инструменты, спальные мешки, одежду, палатки... Трещат каюты, ломаются стены, кругом грозные льдины, ревет ветер, пароход вот-вот утонет, но челюскинцы работают смело и спокойно.

И только когда над водой остался небольшой кусочек кормы, капитан Воронин скомандовал:

— Все на лед! Сначала женщины с детьми, потом остальные!

На „Челюскине“ было десять женщин и две маленькие девочки — две маленькие челюскинки. Одна там и родилась — на „Челюскине“. Ее назвали Карина, потому что она родилась, когда пароход шел Карским морем. Другую звали Аллочка.

Кариночка была еще совсем маленькая — шести месяцев. Аллочка была постарше — полтора года. Мамы всё катали их по палубе в колясочках, будто на бульваре.

Теперь, когда пароход стал тонуть, мамы схватили Аллу и Кариночку, закутали в одеяла и меха и прыгнули на лед.

За ними прыгнули остальные восемь женщин.

За ними стали прыгать мужчины.

И вот — сто два челюскинца на льду, а трое еще на пароходе: начальник Шмидт, капитан Воронин и заведующий всем хозяйством „Челюскина“ Могилевич.

Воронин закричал:

— Отто Юльевич! Могилевич! Прыгайте! За вами тогда и я!

Потому что капитан всегда последним сходит с погибающего судна.

Отто Юльевич прыгнул, и Воронин тоже, а Могилевич задержался. Ему хотелось побольше вещей снять с парохода, чтобы челюскинцам на льду ни в чем нехватки не было.

Ему все кричат:

— Скорей! Прыгай!

Он занес ногу для прыжка. Вдруг покатились большие бочки с бензином. Одна из них сшибла Могилевича. Он упал.

Челюскинцы хотели было броситься к нему на помощь, как вдруг весь огромный пароход сразу затонул. А вместе с ним утонул и храбрый полярник Могилевич...

А там, где только что возвышался уютный, привычный дом челюскинцев — пароход, — там теперь осталась темная полоса воды. По ней плавали грязные льдины, бревна, ящики, бочки и — больше ничего...

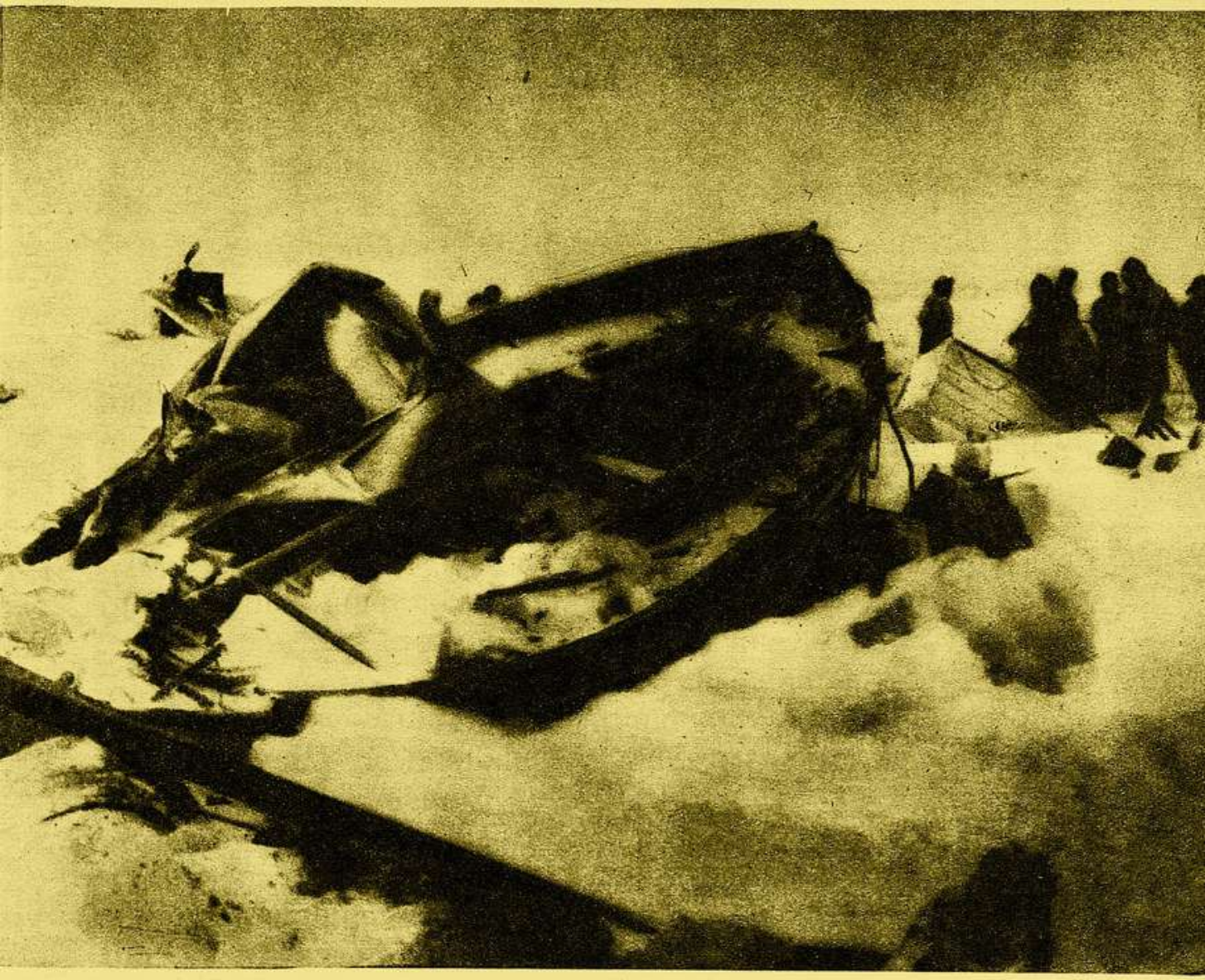
ПЕРВАЯ РАДИОГРАММА

И вот на льду, далеко-далеко от земли, далеко-далеко от жилья, очутилось сто четыре человека. Дует холодный северный ветер. Кругом — непроходимая ледяная пустыня...

Начальник взял список и стал делать перекличку:

— Капитан Воронин?

— Здесь!



— Радист Кренкель?
— Здесь!
— Фотограф Новицкий?
— Здесь!
— Радист Иванов?
— Здесь!
— Летчик Бабушкин?
— Тут!
— Художник Решетников?
— Я!
— Ученый Ширшов?

— Тут!

— Алла Буйко?

— Она здесь, — отозвался отец Аллочки.

— Карина Васильева?

Мама Кариночки ответила за нее:

— Здесь она, со мной!

Всех назвал начальник, все были на месте. Только когда начальник вызвал: „Завхоз Могилевич?“ — стало тихо. Никто не отозвался.

Задумались челюскинцы, опустили головы. Жалко им погибшего товарища.

О себе они не очень беспокоились. Они знали, что их спасут, на льду не оставят.

Начальник сказал:

— Товарищи полярники, поставим палатки, подберем всё, что осталось после нашего „Челюскина“. Будем жить на льду до тех пор, пока не придет помощь.

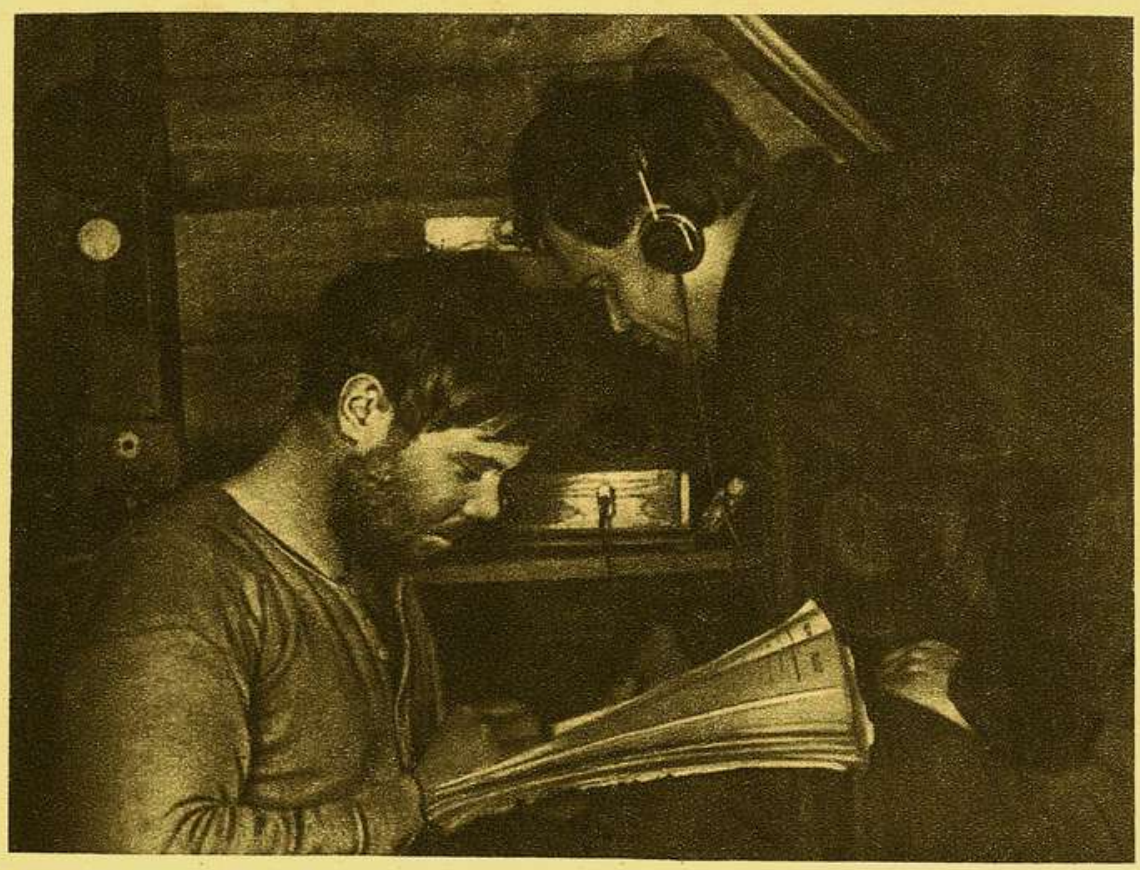
Первую ночь все спали прямо на льду, в спальных мешках—кукулях. А с утра сразу закипела работа. Одни стали разбивать палатки. Другие вытаскивали из воды бревна, бочки, ящики — всё, что всплывало после „Челюскина“.

Аллочку с Кариночкой поместили в самую теплую палатку.

А радист Кренкель стал налаживать радио. Товарищи ему помогали.

Руки у всех коченели, лицо обжигало морозом, но они всё работали и работали. С большим трудом установили на льду антенну. Ее свалило ветром, но радисты ее снова поставили.

Потом Кренкель забрался в палатку, согнулся в три погибели, надел наушники и стал вызывать берег.



Герой Советского Союза Э. КРЕНКЕЛЬ и радист С. ИВАНОВ.

Сначала радио работало плохо. Берег не отвечал. Долго Кренкель бился, много часов. Но вот он наконец закричал:

— Товарищ Шмидт, товарищ Шмидт, радио работает!

И товарищ Шмидт послал радиограмму в Москву— товарищу Сталину:

„13 февраля, в 13 часов 30 минут, „Челюскин“ затонул, раздавленный сжатием льдов“.

Это была первая радиограмма из лагеря Шмидта.

НА ПОМОЩЬ, НА ПОМОЩЬ!

Как только товарищ Сталин получил эту телеграмму, он велел сейчас же взяться за спасение челюскинцев. Самым главным по спасательным работам был заместитель председателя Совнаркома СССР товарищ Куйбышев.

Он приказал:

— Послать на север пароходы. Послать самолеты. Послать собачьи упряжки с нартами. Надо сделать всё, чтобы спасти челюскинцев.

Весь мир заговорил о людях на льдине. Все стали думать, как их спасти. Одни только фашисты злобно каркали: „Челюскинцев не спасти, самолеты не доле-

686053
Российская государственная
детская библиотека

тят, летчики разобьются. У них один выход — итти пешком по льду к земле. Слабые мужчины, женщины и дети не дойдут, замерзнут, но зато сильные уцелеют".

Но советские люди рассуждают по-другому. И вот помчались на север самолеты. Пошли на север пароходы и ледоколы. Побежали собачьи упряжки. Все старались пробиться к лагерю Шмидта.

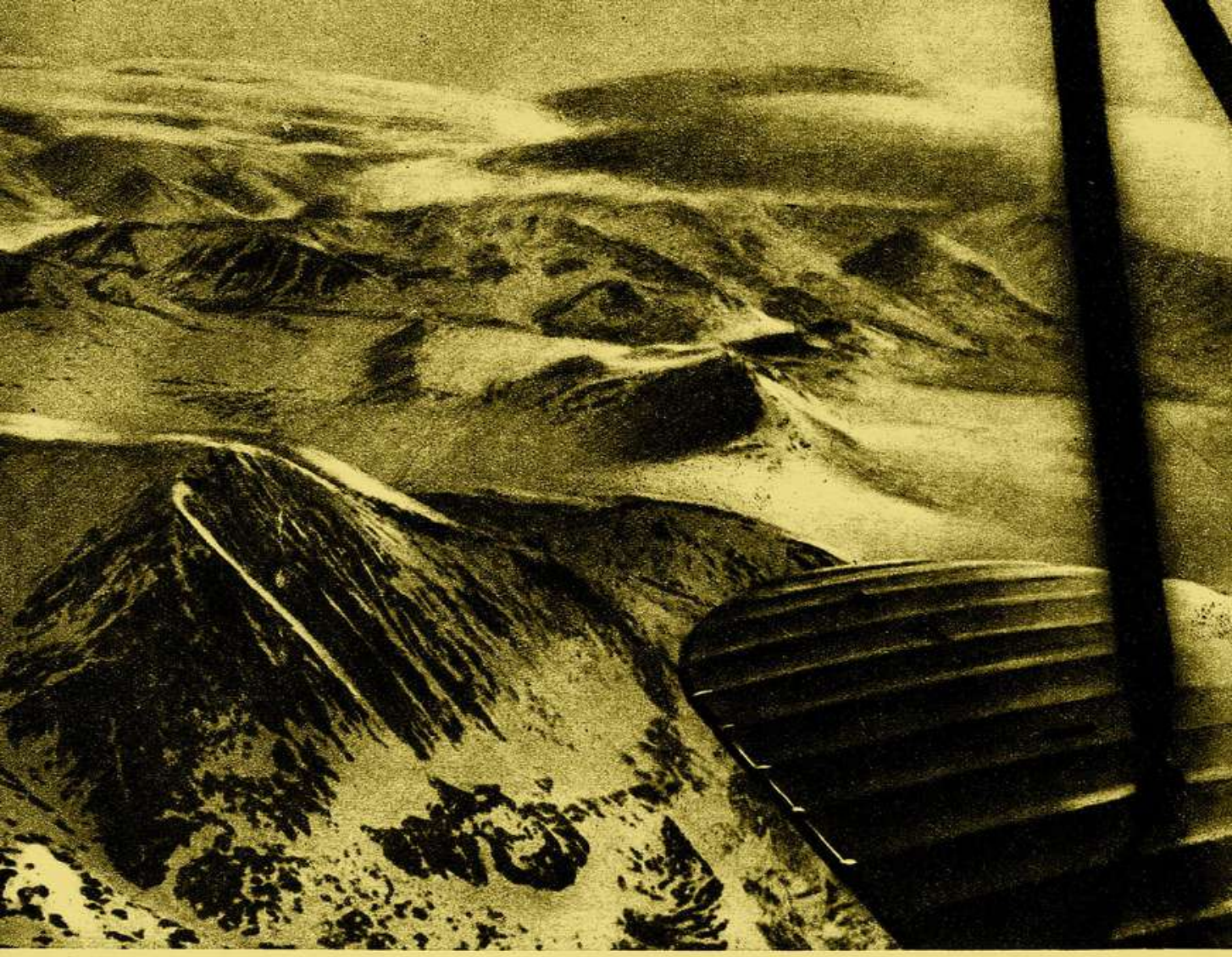
***

Я тогда работал на Дальнем Востоке. И вот приходит ко мне телеграмма от товарища Куйбышева:

„Примите все меры к спасению челюскинцев".

Я не стал долго раздумывать. Сейчас же вызвал

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ ДЕТГИЗА



своих товарищей — летчика Конкина, штурмана Петрова, механика Руковского, — показал им телеграмму и сказал:

— Срочно готовьте машину, грейте моторы, полетим за челюскинцами.

Самолет у меня был хоть и не новенький, зато большой, двухмоторный.

Мы быстро собрались и полетели.

Легко сказать — полетели. На севере то и дело плохая погода — то пурга, то туман, то метель. Мы,

летчики, называем такую погоду „нелётной“. На севере лётная погода бывает редко, особенно зимой. Но все-таки мы полетели к самому далекому от Москвы месту — к мысу Дежнева. Там лежит маленькое селение с красивым названием — Уэллен. В Уэллене живут чукчи и эскимосы.

Как только мы туда прилетели, разыгралась пурга. Лететь к челюскинцам нельзя. Стали мы жить с чукчами, стали ждать лётной погоды.

Там я подружился с одним маленьким чукчей. Ему было пять лет, а он уже сам запрягал собак в нарты. Иногда он даже брал маленькое ружье — винчестер — и отправлялся на охоту, как большой. Звали его Ильянинген.

Вот один раз Ильянинген ушел с тремя собаками на охоту и пропал. Прошел день — его нет! Прошел другой — его нет!

Отец маленького чукчи выходил из кибитки, звал:

— Ильянинге-ен!

Уууу! — отзывался ветер.

Мать выбегала на мороз, кричала:

— Ильянинге-ен!

Вьюююю! — отвечал ветер.

Я тоже выходил его искать с электрическим фонариком.

— Ильянинге-ен! Ильянинге-ен!

Уууу! Вьюююю! — отвечала пурга.

Пропал маленький охотник. Родители затосковали.

Вдруг утром залаяли собаки, и в кибитку вошел... маленький Ильянинген!

— Где ты был?

Оказывается, на охоте его настигла страшная

пурга. Вернуться домой нельзя было. Маленький охотник не растерялся. Он закутался в шкуры, зарылся в снег, уложил рядышком собак. Намело на них большой сугроб, им там и тепло было. Так он лежал под снегом двое суток. А как стихла пурга, он разрыл снег и вернулся.

Я спросил у него:

— Не замерз?

— Нет, только нос немножко отморозил.

— А собаки?

— Нет, они хорошие, они меня согревали, как живые печки.

Мне всё не верилось, что этому бесстрашному охотнику всего лишь пять лет. Ведь ему еще только в детский сад ходить!

Но вот пурга наконец стихла. Погода стала лучше. Мы живо разогрели моторы и полетели в море, к челюскинцам.

Летим-летим, а лагеря всё нет! Я забираю то вправо, то влево — ищу челюскинцев. А их всё нет.

Бензина осталось мало. Что делать? Надо возвращаться. Поневоле лечу обратно. Бензин на исходе: едва-едва вернулись в Уэллен.

Через день набрали много бензина, опять полетели. Только вылетели, разбушевалась пурга. Ничего не видать. Пришлось опять вернуться ни с чем.

Пурга точно издевалась над нами. Я злился. Там, на льду, товарищи, женщины, дети. Им, наверное,

холодно и голодно, они ждут не дождутся летчиков, а я здесь торчу на берегу и не могу к ним пробиться...

ЛАГЕРЬ ШМИДТА

Настало 5 марта. Погода хорошая, день ясный. С утра ударил жестокий мороз — 37 градусов. Но я решил: летим во что бы то ни стало!

И полетели: я, Копкин, Петров, Руковский. Внизу — необъятная ледяная пустыня. Она усеяна ледяными горами и скалами. Вглядываемся. Лагеря не видать!

Летим час — лагеря не видать! Летим полтора часа — лагеря не видать! У меня даже глаза разболелись: слишком пристально смотрел вниз.

Подул южный ветер. Над трещинами во льду стоит пар. А нам кажется — дым. То и дело кто-нибудь из нас вскакивал:

— Лагерь!

Но это вовсе был не лагерь, а пар.

То нам груды льда покажутся сверху палатками, и мы опять кричим друг другу:

— Лагерь! Лагерь!

И это был не лагерь, а просто обман зрения.

Вдруг мы увидели настоящий дым. Мы боялись: может быть, это опять пар?

Но вот рядом с дымом замелькало что-то темное. Вглядываемся, видим: вышка, барак, палатка. Тут мы уверенно закричали:

— Лагерь! Лагерь!

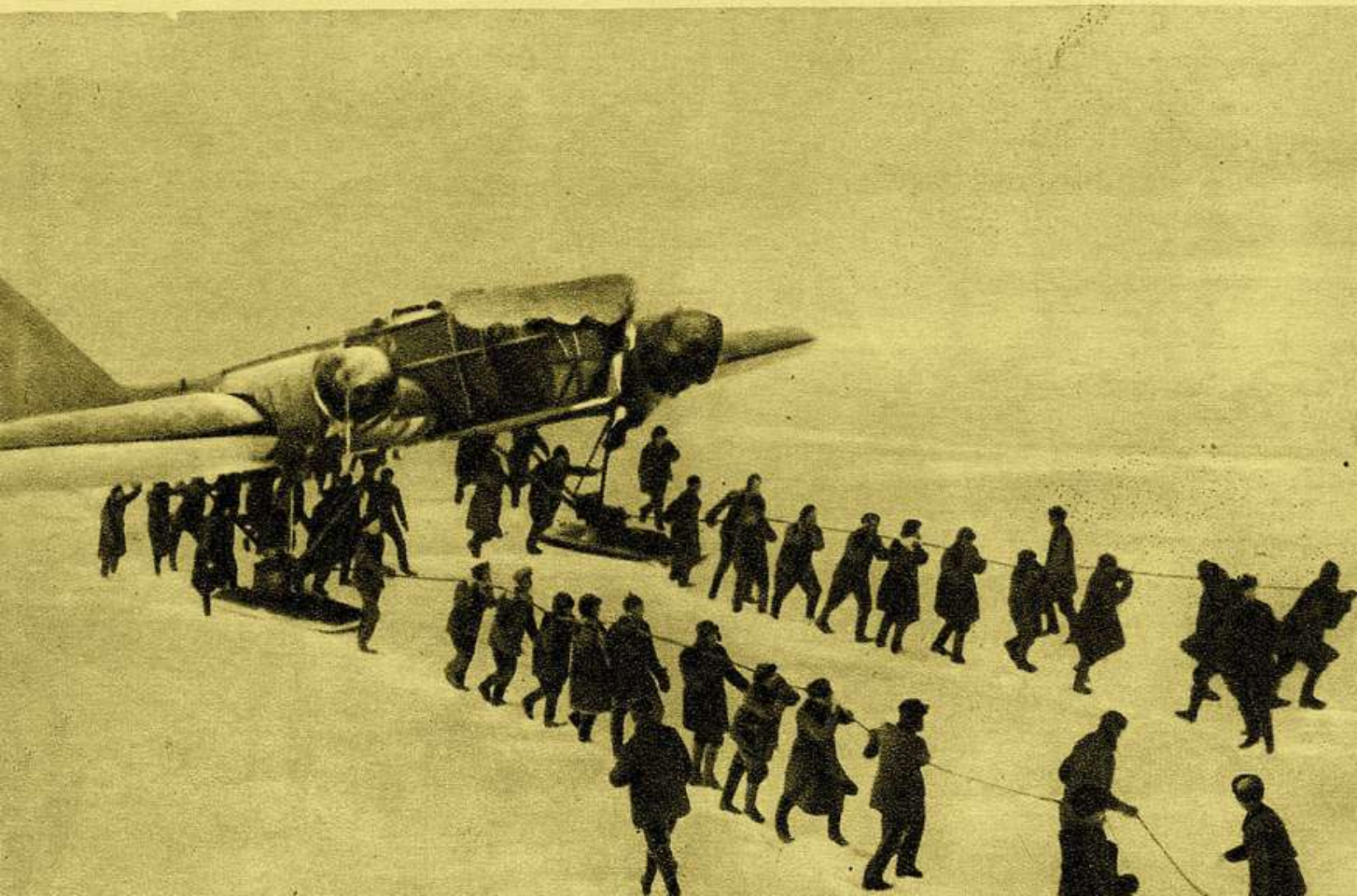
Наконец-то долетели! Я сделал два круга над лагерем. Челюскинцы обрадовались. Кто „ура“ кричит, кто шапку подбрасывает...

А я сверху смотрю на льдину, прицеливаюсь: как садиться? У меня самолет громадный, а льдина маленькая. Раньше она, видно, была большая, но раскололась на две. На маленькой остался аэродром, который приготовили челюскинцы, на большой — весь лагерь. Между ними—широкая трещина.

Ничего не поделаешь — садиться надо. Я стал внимательно, осторожно приземляться. Всё ниже, ниже... Стоп!

Сел благополучно. Вылез из кабины. А челюскинцы как накинулись — давай нас обнимать, целовать, прижимать к себе, точно маленьких...

Челюскинцы перетаскивают самолет Ляпидевского на другую льдину.



Вид у них такой,—с непривычки испугаешься. Лохматые, бородатые, в бородах сосульки блестят. Я говорю:

— Вот мы вам шоколаду привезли. Кушайте!

Они отвечают:

— Спасибо, не надо шоколаду! Вы лучше зайдите к нам во дворец, мы вас горячим какао угостим!

Зашли во „дворец". Это — маленькая палатка. В окошко вместо стекла большая бутыль вставлена. Пол из ящиков. Один ящик — стол. Другой ящик — стул. На столе „стакан", то есть консервная банка. Рядом — аптечный пузырек с фитильком — это лампа. Возле лампы — самодельные, вырезанные из фанеры шахматы.

Посреди „дворца" — самодельная печка, сделанная из железной бочки. А на самодельной печке в самодельной кастрюле греется настоящее, вкусное какао.

Но пить его не пришлось. Набежали челюскинцы с большой льдины. Им очень хотелось к нам, но трещина мешала. Тогда они подтащили лодку, переправились через трещину и прибежали.

СПАСЕНИЕ

Тут я увидел Шмидта. Борода длинная и вся обледенела. Рядом с ним — Воронин.

А вот и Аллочка с Кариночкой. Папы их закутали, привязали к себе на спину и прибежали с ними.

Все были очень рады самолету. Все целуются,

Герой Советского Союза ОТТО ЮЛЬЕВИЧ ШМИДТ.

обнимаются. Воронин целует Шмидта, Шмидт — Воронина. Кто-то закричал:

— Да здравствует советская авиация!

Другой подхватил:

— Да здравствует первый самолет на льдине!

Потом я увидел ноги штурмана Петрова. Его на радостях качали, подбрасывали и уронили в снег, — вот он там и барахтался.

Челюскинцы говорили:

— Мы были уверены, что нас спасут! Поэтому живем на льдине дружно и спокойно. И даже стенгазету издаем. Называется „Не сдадимся".

Папа Кариночки сказал:

— Самое трудное — аэродромы. Только расчистишь льдину, приготовишь на ней аэродром, а льдина трескается, ломается. Приготовишь аэродром на другой льдине — глядь, и эта раскололась! Но мы духом не падаем! Надо будет — сто аэродромов приготовим!

Я спросил:

— А как себя малыши чувствуют на льду?

Он ответил:

— Хорошо! Их здесь очень любят, все о них заботятся. Мы даже их здесь два раза купали.

Алла Буйко со своей мамой в лагере Шмидта.

Палатку покрывали мехами, чтобы не продувало, и купали. Каждый день катаем их на самодельных салазках, прогулку устраиваем.

Все радуются, а я думаю об одном: „Сесть-то мы сели, сумеем ли подняться?“

— Сколько думаете взять народу, Ляпидевский?— спросил Шмидт.

— Я, Отто Юльевич, возьму всех женщин. И детей, конечно!

— А влезут ли все?

— Упакуем!

Вот женщины приготовились, простились с челюс-

кинцами, стали забираться в самолет. Но никак не влезут! Они очень толстые, потому что закутались так, что ни повернуться, ни рукой шевельнуть.

Пришлось нам самим взяться за погрузку. Мы брали женщин за руки и за ноги и подсаживали в самолет. Это было очень смешно. Прибежал кинооператор с аппаратом и стал снимать.

Потом, в Москве, челюскинки увидели эту картину в кино и ужасно обиделись.

— Зачем было снимать эту погрузку для кино,

чтобы все видели, как нас грузили на самолет, точно дрова?..

Я простился с лагерем, обещал скоро вернуться и сразу дал полный газ. Моторы заревели. Взлетел хорошо. Великая радость охватила меня. Помахал я челюскинцам рукой, они в ответ машут шапками...

До свиданья, льдина-холодина! Быстрей, самолет, неси нас в Уэллен!

Через два часа двадцать минут показался под крылом Уэллен. Я сделал круг, вижу — внизу всё население сбежалось. Встречают нас.

Сел. Чукчи весело кричат, радуются, что мы благополучно прилетели и всех женщин из лагеря вывезли. Они стали вытаскивать женщин из самолета. Каждый старался хоть чем-нибудь помочь челюскинкам.

Я вышел из кабины. Чукчи окружили меня, протягивают руки, повторяют:

— Какуме-ренена кляуль!

Это значит: „Вот здóрово, летчики!“

Так закончился первый удачный полет в лагерь Шмидта.

ЛАГЕРЬ ЛЯПИДЕВСКОГО

Я был очень рад. Я думал: вот сегодня привез женщин, завтра полечу, еще кого-нибудь вывезу. Но не вышло по-моему. Назавтра опять разбушевалась пурга, да такая сильная — ничего не видать, человека с ног валит. Чукчи глубоко зарылись в свои пологи и шкуры. Даже на собаках ехать нельзя, не то что лететь!

Мы боялись за самолет: как бы его ветром не унесло. Конкин говорит:

— Пойду проверю!

Я говорю:

— Попроси чукчу проводить, а то заблудишься!

Вот они пошли. Только вышли из кибитки, пурга как налетела на Конкина—сшибла его. Покатился наш Конкин мячиком. Чукча кричит:

— Эой, Конкин, где ты?

— Я здесь, около льдины,—отзывается Конкин,— меня ветром сдуло.

Чукча нашел его по голосу и сказал:

— Держись крепко за мою кухлянку, спрячь лицо, я тебя поведу.

Конкин вцепился изо всех сил в меховую куртку чукчи и так, за спиной проводника, прошел к самолету.

Пурга бушевала девять дней. Наконец 14 марта снова настала хорошая погода. Можно лететь! Мы— скорей греть моторы, и полетели к челюскинцам.

Мороз свирепый — 40 градусов. Мы хоть и закутаны с ног до головы, а зябнем. Ветер прохватывает. Но летим. Лагерь всё ближе...

Вдруг раздался треск. Что такое? Левый мотор затарахтел и затрясся. Вот-вот оторвется и упадет на землю. Надо сейчас же сесть, а то мы все погибнем.

Я мигом выключил больной мотор, сбавил газ, а сам смотрю вниз: куда садиться?

Внизу сплошная ледяная каша, точно кто-то в огромной мясорубке весь лед перемолол. Я сказал своим помощникам:

— Перейдите в хвост самолета. А то, если машина ударится носом, убьетесь.

И всё вглядываюсь в ледяную кашу. Вот разыскал среди сугробов крохотную полянку. Выбирать не приходится. Выключил второй мотор, иду на посадку. Лыжи коснулись неровного льда. Самолет с разбегу — на бугор, плавно съехал вниз, прочертил крылом по снегу и с треском остановился.

Мы выскочили из кабины, бросились осматривать самолет. Видим: подломилась у нашего самолета „нога“ — лыжа. Чинить здесь негде и нечем. Петров горько усмехнулся:

— Ну, вот и лагерь Ляпидевского!

Вдруг вдали, за ледяными буграми, что-то замелькало, будто ныряет. То покажется, то нырнет, то

покажется, то нырнет. Мы сначала подумали — морж. Пригляделись, а это человек бежит к нам.

Оказывается, недалеко от того места, где мы сели, было маленькое селеньице чукчей. Один из них и прибежал к нам. Он пробежал пятнадцать километров без передышки.

Мы обрадовались. Правда, разговаривать с ним было трудно. Он только чуточку знал по-русски, а мы по-чукотски — и того меньше. Разговаривали больше руками. После такого „разговора“ долго отогревали руки. Все-таки мы поняли, что чукчу зовут Увакатыргин и что он приглашает нас в селение.

Он привел нас к себе в круглую кибитку — ярангу. Пол и стены ее покрыты мехами и оленьими шкурами. Внутри яранга разделяется пологом на две части. Первая половина — холодная, вроде как у нас коридор или сени. Здесь держат собак, здесь лежит добыча и всякие инструменты. Вторая половина жилая. Здесь тепло. Вместо печки и лампы — корытце с моржовым жиром. В корытце лежит мох. Он пропитывается жиром и светит и греет.

Чукчам интересно всё узнать, всё увидеть. Они теперь учатся грамоте. Чукчи очень много помогали при спасении челюскинцев. Они давали собак, помогали при починке самолетов, помогали строить аэродромы, были проводниками, перевозили на нартах летчиков и челюскинцев; ничего не жалели.

Увакатыргин угостил нас моржовым мясом, напоил чаем и спать уложил.

Вот я сплю, и снится мне замечательный сон. Будто я десять раз подряд слетал в лагерь Шмидта, и будто я вывез всех челюскинцев, и будто я говорю фашистам:

„Ага, вы говорили, что советские летчики не спасут челюскинцев. А теперь вот видите: все челюскинцы, до одного, спасены. А вы, злые фашисты, ничего не понимаете!“

Утром я проснулся, увидел чукотскую ярангу, спящих товарищей, вспомнил про самолет и загрустил. Там, на ломкой льдине, челюскинцы, а я застрял здесь! Потом я подумал: „Но ведь нас, советских летчиков, много. Не я спасу, другие спасут“.

И я немножко повеселел. Петров сказал:

— Надо скорей сообщить в Москву по радио про наш самолет, а то подумают, что мы погибли.

Увакатыргин отвез нас на собаках в Ванкарем. Но там пургой сорвало антенну, и целых пять дней радио не работало. Все так и думали, что мы погибли. Я потом видел американские газеты, где большими буквами было написано: „Гибель русского полярного героя Ляпидевского“. Я читал эти газеты и смеялся...

В Ванкареме мы взяли нужные инструменты и на собаках вернулись к самолету — чинить мотор и „ногу“.

Работа подвигалась медленно. Стоял жестокий мороз, дул сильный ветер. Часто мешала пурга.

Ремонт тянулся больше месяца. Больше месяца мы были оторваны от всего мира. Мы не знали, спасены ли челюскинцы, или сидят еще на льдине.

Днем мы работали, а по вечерам коротали время, как умели. Мы изучали чукотский язык, учили чукчей русскому.

И вот однажды прибежал Увакатыргин и стал весело кричать:

— Идут! Идут!

Кто „идут“? Откуда идут? Мы выскочили из яранги. Действительно, идут нарты. Мы побежали навстречу.

Челюскинцы! Одиннадцать человек!

Обрадовались мы им до невозможности! Пожалуй, больше, чем они нам обрадовались, когда мы к ним на льдину прилетели.

Они рассказали:

— Все челюскинцы уже сняты со льдины. Пока

вы тут чинили самолет, летчики Молоков, Каманин, Водопьянов, Слепнев, Леваневский и Доронин сняли всех. На льдине никого не оставили!

Там, где жили челюскинцы, гордо развевается флаг Советского Союза!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот мы наконец починили самолет и прилетели в Уэллен.

А там — полно! Там собрались все летчики и все челюскинцы. Никогда еще в маленьком чукотском селении не было столько народу.

Потом нас всех на пароходе отвезли в город Владивосток. Оттуда мы специальным, самым скорым поездом поехали в Москву.

Поезд был скорый, но ехали мы медленно. Не могу передать, что делалось по пути! На каждой

станции, на самой-самой маленькой, нас встречали и провожали.

На больших станциях устраивались большие митинги. Играли большие оркестры. На маленьких станциях были маленькие оркестры. Но они всё равно с жаром играли в честь челюскинцев и летчиков.

На каждой станции, на каждом полустанке нам подносили цветы и всякие подарки: альбомы, скульптуры, вышивки, фотографии, рисунки, модели, игрушки. Одному летчику подарили даже маленького поросенка.

Наши вагоны были заполнены подарками так, что повернуться негде было.

Но больше всего нам надавали тортов. Там были торты ореховые, шоколадные, песочные, ромовые, фруктовые. Торты маленькие, торты большие, торты-самолеты, торты-корабли, торты-портреты. Были торты даже в виде льдины. Если бы нам их все съесть, то пришлось бы целый год питаться одними тортами.

Но вот Москва!

Здесь нас встретили так, что рассказать — слов нехватит. Вся Москва вышла нас встречать. Везде были лозунги, портреты, знамена, флаги. Играла музыка. В машинах, обвитых красивыми гирляндами, нас повезли на Красную площадь. А вдоль улиц, по обеим сторонам, стояли москвичи. Они радовались и весело кричали:

— Ура! Привет челюскинцам! Привет летчикам!

На Красной площади мы увидели товарища Сталина. Он сказал:

— Идите на трибуну!

Мы взошли и стали впереди, а товарищ Сталин стал позади. Мне было неудобно, что товарищ Сталин стоит позади, и я ему об этом сказал. Он похлопал меня по плечу и ответил:

— Стойте здесь! Мы здесь всегда стоим, нас все знают и видят! Постойте и вы!

Потом нас в Кремле наградили орденами. Всем летчикам — Каманину, Водопьянову, Молокову, Леваневскому, Доронину, Слепневу и мне — дали звание Героев Советского Союза. Наградили орденом Красной Звезды всех челюскинцев. Только Аллочку и Кариночку не наградили, потому что они еще были

маленькие. Но это ничего. Я думаю, когда они вырастут, они непременно сделают что-нибудь геройское и их тоже наградят орденами.

* * *

Аллочка уже большая, она скоро в школу пойдет. Они с Кариной живут в Ленинграде. Если кто из ленинградских ребят встретит их, обязательно передайте им привет от меня. Так и скажите: от летчика Ляпидевского. Они-то меня, конечно, не помнят, зато я отлично помню, как они, закутанные, сидели в моем самолете...

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор М. БЕЛАХОВА
Художеств. редактор А. ЧЕГОДАЕВ
Технич. редактор З. ТЫШКЕВИЧ
Корректоры: Е. ВИЛЬТЕР и
Е. ТРУШКОВСКАЯ
Сдано в производство 27/III 1938 г.
Подписано к печати 19/IV 1938 г.
Формат 82 x 110 1/16. 5 печ. листов
Детиздат № 1863. Индекс Д-5
Уполномоченный Главлита Б-42278
Тираж 100 300 Заказ 454

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.

1989

28923

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА

200 =

ЦЕНА 1 р. 75 к.